

**БОЛЬШАЯ
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
КНИГА**
РОМАНОВ О ЛЮБВИ
ДЛЯ ДЕВОЧЕК

*Милый враг
Письмо на удачу
Снежное свидание*

Вадим Селин
Наталья Евдокимова
Ирина Щеголова

**БОЛЬШАЯ
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
КНИГА**
РОМАНОВ О ЛЮБВИ
ДЛЯ ДЕВОЧЕК

МОСКВА

ЭКСМО
2013

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 29

Оформление серии *С. Киселевой*

Селин В.
С 29 Большая рождественская книга романов о любви для девочек : повести / Вадим Селин, Наталья Евдокимова, Ирина Щеглова. — М. : Эксмо, 2013. — 384 с. — (Большая книга романов о любви для девочек).

ISBN 978-5-699-66542-6

«Милый враг»

Катя, спокойная, примерная девочка, мечтает стать врачом, навещает в больнице одиноких людей, помогает матери по дому. Но в один день ее тихая жизнь меняется и превращается в кошмар из-за звезды школы Стаса Полянского, который оклеветал девушку и посмеялся над ней. Как дальше ходить в школу, если весь класс тебя ненавидит? Как помогать людям, если запрещено появляться в больнице? Как ни странно, на помощь приходит ее враг – Стас...

«Письмо на удачу»

Однажды под Новый год девочка с необычным именем Мишель решила, что ни за что не станет валяться в каникулы дома на диване. Вместо этого она займется чем-нибудь полезным, например, поздравит незнакомых людей с праздником или еще лучше — подарит им подарки. Принося счастье другим, девочка и сама не заметила, как тоже стала счастливой. Еще бы, разосланные незнакомцам письма с поздравлениями помогли ей встретиться с лучшим парнем на земле...

«Снежное свидание»

Приближение Нового года совсем не радовало Василису. Еще бы: ведь вчера ее бросил парень, а сегодня она отправляется встречать праздник к бабушкам, в глухую деревню. Правда, не одна, а с верной подругой Дашкой. Девчонки всерьез готовились умереть на каникулах со скуки, но вместо этого... познакомились с очень интересными ребятами. Теперь Василисе нужно разобраться в своих чувствах и решить, что лучше: возвращение прошлого или... новый роман?

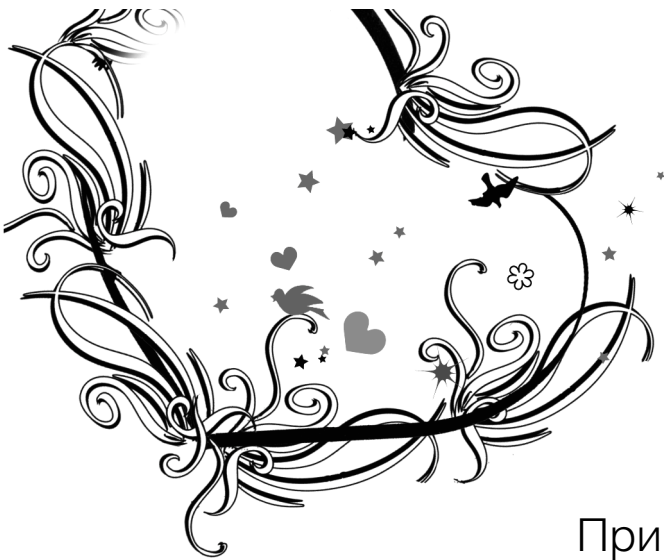
УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-66542-6

© Селин В., 2013
© Евдокимова Н., 2013
© Щеглова И., 2013
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

МИЛЫЙ
ВРАГ

Глава • 1

Приглашенная звезда

Я стояла на кухне и собирала пакет:

— Паровые котлеты.

Мама протянула пластиковый контейнер и удивилась:

— А что, Петру Семеновичу уже можно котлеты? Ты говорила, что в первую неделю после операции нельзя сильной нагрузки на желудок. Прошло только дня четыре.

— Его уже выписали на прошлой неделе... Это не ему, а Владимиру Олеговичу.

— Ой, точно, ты же говорила! Так на работе замоталась, забыла. Что там дальше? Вот, держи, творог.

— Уже не знаю, что делать! Пашка творог не любит, но его обязательно нужно есть, у него же рука сломана. А в твороге кальций, который нужен костям! Врач заставляет, а мальчик не хочет! Вот как?

Мама задумалась.

— А сколько ему лет?

— Девять.

— Девять?.. Ну, если не любит обычный творог, то творожную массу полюбит точно, — пообещала она и, открыв холодильник и взяв изюм, высыпала его в творог, добавила сахара и тщательно перемешала. — Вот, держи. Дети любят. По крайней мере, наш Максим. Да и витаминов теперь больше.

— Ух ты! Здорово придумала, — я радостно поцеловала ее в щеку.

Она рассмеялась и протянула бутылку с вишневым компотом:

— А это Антонине Ивановне. Ты говорила, она любит.

— Не то слово! Без вишни жить не может. Говорит, что когда была ребенком, целый год с нетерпением ждала лета, чтобы поспели вишни. И вот ей уже семьдесят, а она до сих пор любит все вишневое, — я поставила в пакет бутылку с компотом и задумалась, перебирая в голове продукты, которые должна сегодня принести в больницу. — Вроде все собрали. Mam, ты самая лучшая! Спасибо! Ну все, побежала, а то пациенты меня ждут.

— Только долго не задерживайся, тебе еще уроки учить.

— Mam, тридцатое декабря! Сегодня был последний день. У меня каникулы. В школу теперь десятого января.

— Эх, совсем ничего не помню...

Я взяла пакет и направилась в коридор. Надела сапоги, куртку, шапку песочного цвета, которая шла к моим бирюзовым глазам и светлым волосам, и открыла дверь. Но не успела переступить порог, как из комнаты выбежал младший брат Максим и, еле поспевая за ним и хромая, вышла бабушка с палочкой.

— Катя! Катя! Ты куда? Не уходи, поиграй! — запрыгал он вокруг, как голодный птенец при виде мамы-птицы с букашками в клюве.

— Она весь день с тобой играла! — воскликнула бабушка. — Димку позовем, с ним поиграешь, на санках покатаетесь, а ей в больницу надо. Вот станет врачом, будет нас лечить! Катя, закрой дверь, дует! Максим, иди в комнату, на холоде не стой!

Мы живем в частном доме и поэтому, когда открывается дверь, выходим сразу во двор.

— А возьми меня с собой, — не унимался он.

— Подрастешь, обязательно, — пообещала я и, закрыв дверь, помчалась по сугробам к остановке.

МИЛЫЙ ВРАГ

Вот такая у меня семья. Мама, бабушка и брат. Мне пятнадцать лет, я учусь в десятом классе, а Максиму семь — он учится в первом в той же школе, что и я.

Очень радостно, что близкие одобряют мои походы в больницу, и не просто одобряют, но и всячески помогают. Мама — повар высшего разряда, с утра до ночи работает в кафе, и мои пациенты просто в восторге от еды, которую она готовит.

«Пациенты», конечно, в кавычках, потому что я еще не врач, но, тем не менее, за каждого подопечного чувствую большую ответственность.

Вот уже год я почти каждый день прихожу в больницу и навещаю людей, у которых нет ни родственников, ни знакомых, или тех, у кого они есть, но к ним все равно никто не приходит. Зато прихожу я. Если бы вы знали, какое это счастье — видеть, как загораются глаза больного при вашем появлении! Когда человек попадает в больницу, ему особенно важно ощущать внимание и заботу, потому что там начинаешь наиболее остро все воспринимать и хочется чувствовать, что ты не один, хочется видеть рядом близких и друзей. Но что делать, если к некоторым никто не приходит? В таком случае нужно приходиться самому.

На сегодняшний день я стараюсь скрашивать грусть трех пациентов. Девятилетнего Пашки — мальчика из семьи алкоголиков, который лежит в больнице и безразличен своим родственникам. У него перелом руки, который он заработал, когда собутыльник отца толкнул его об стену, потому что ребенок отказался идти в магазин за водкой. Второй — Владимир Олегович — одинокий ветеран Великой Отечественной войны, который не обзавелся детьми и у которого умерла жена. Третья — Антонина Ивановна — пожилая женщина без определенного места жительства, которая десять лет назад оказалась на улице из-за того, что при продаже квартиры ее обманули мошенники и выставили за порог родного дома.

Вот этих людей я навещаю и всеми силами пытаюсь разбавлять их одиночество — хотя бы на короткое время. Впрочем, по-

сле выписки наше общение все равно продолжается — мы созваниваемся, а иногда даже видимся.

Больница, куда я хожу, общая — в ней лежат и взрослые и дети, но размещаются они на разных этажах.

Заведение было переполнено, и некоторых размещали даже на кушетках в коридоре. Пашка, например, лежал именно там.

Я подошла к остановке и села в полупустой автобус. Ехать предстояло долго, больница находилась в другой части города, поэтому можно присесть. Я устроилась на свободном сиденье и поставила на колени пакет.

Надо же... Никогда не думала, что жизнь даст такой неожиданный поворот. Даже представить не могла, что когда-то мне станет интересно все, что связано с больницей, — врачи, палаты, пациенты...

Из окна автобуса смотрела на улицы, засыпанные снегом, на людей, одетых в куртки и шубы, на елочные рынки, на витрины магазинов, оформленные разноцветными гирляндами и изображениями Деда Мороза с красным мешком подарков... А в памяти всплывали картины знойного, изнуряющего лета, когда из-за засухи покрывалась широкими трещинами земля и гибли пшеничные поля.

Все началось именно тогда, позапрошлым летом.

Июль выдался таким палящим, что весь город просто изнывал. Из-за жары плавился асфальт, и над ним волнами колыхалось море. пляж был переполнен людьми, которые пытались хоть как-то охладиться. Впрочем, горожане оккупировали не только водоемы, но и фонтаны.

Если одна часть населения старалась найти спасение в воде, то другая предпочитала охлаждаться дома. В каждом, пыхтя, на пределе возможностей, мужественно крутили лопасти вентиляторы; кондиционеры из последних сил пытались охлаждать палящий воздух, а уставшие холодильники храбро трудились над остужением напитков.

Каждый хотел защититься от жары, и поэтому на магазины бытовой техники обрушился огромный поток покупателей, желающих приобрести кондиционер или сплит-систему. Но они устанавливаются не сами по себе, их устанавливают специальные работники — промышленные альпинисты, которые тоже работали в усиленном режиме. Именно им и был мой папа. В то жаркое лето мы практически не виделись, потому что он круглосуточно пропадал на работе, а дома его ждала семья — жена, мать, то есть моя бабушка, а также мы с Максимом. Мне было тринадцать, а брату — пять.

Как-то перед очередным вызовом на работу он попросил нас с мамой:

— Девчата, крошечки нарежете? Очень хочется! Холодненькой! Папа любил крошку.

— Конечно, — улыбнулась мама. — Катя, принеси из сарая картошки.

— Я буквально на часик, кондиционер на третьем этаже с Игорем установим, и сразу вернусь, — ответил он.

Игорь был напарником отца.

— Давай, а мы пока все приготовим, — пообещала мама.

Папа уехал.

Прошел час.

Мама сварила картошку и уже заканчивала ее чистить. Я порезала редиску, зелень, колбасу и достала из холодильника квас с кефиром. Мама взяла кастрюлю, высыпала ингредиенты, взяла в руки кефир, и в этот момент зазвонил телефон.

— Игорь, — удивленно прочитала мама на дисплее. — Алло, — ответила она и параллельно начала выливать кефир в кастрюлю. И вдруг изменилась в лице. — Как — упал?..

Пакет с кефиром выпал из рук. Хлюпнув, он упал на стол, полился густой рекой и начал капать на пол.

— Катя! Папа с высоты сорвался! — истошно закричала она.

Наспех переодевшись, мы помчались в больницу, оставив дома бабушку с Максимом.

Уже через двадцать минут влетели в отделение.

Папа без сознания лежал в реанимации с травмами внутренних органов и переломами. К нему подключили аппараты искусственного жизнеобеспечения.

Мы, одетые в белые халаты, стояли возле папиной кровати и во все глаза смотрели на приборы, которые помогали ему дышать и следили за работой сердца.

Потом, потрясенные, вышли в коридор и сели на лавочку.

Это было таким ударом, и я не могла понять, *что* со всеми нами происходит. Казалось, это какой-то сон, бредовый сон. Как такое может быть? Мы же только что вместе стояли на кухне, папа пообещал, что вернется через час, и попросил холодную крошку... Но сейчас почему-то находимся не на кухне, а в больнице; сидим не за столом, а на стерильной лавочке из бежевого кожзаменителя: и папа лежит не на диване, а в реанимации без сознания.

Я посмотрела на маму. У нее в волосах застрял кусочек укропа, который должен был быть в крошке. Очень медленно я его сняла, по-прежнему не осознавая, почему мы здесь.

«Что теперь будет?.. — звучал в голове вопрос. — Что?..»

Не верилось, что вот так, за одну секунду, может измениться все.

Наступил вечер. Мы по-прежнему сидели на скамейке. Пациенты перестали бродить по коридору и разошлись по палатам.

— Я буду ночевать здесь. Не могу оставить папу, — сказала мама. Она мгновенно, за несколько часов, постарела. Под глазами темные круги, лицо бледное и словно каменное, без единой эмоции. Она была погружена в себя и как-то заторможенно воспринимала действительность. — Максима спать уложите, пусть не сидит долго перед телевизором. Кошку покормите. Мы купили корм? У кошки корм есть? Ты не помнишь, кефир со стола вытерли?

Из-за сильного стресса у мамы пугалась речь, кажется, она сама не понимала, что говорит, слова вырывались автоматически.

Я взяла ее за руку.

— Я тоже буду здесь.

— Лучше домой иди, побудь с бабушкой.

— С бабушкой Максим. А я буду с тобой.

Медсестра дала нам простыни. Мы легли на скамейки и укрылись ими. На часах было десять вчера, но спать не хотелось. Просто молча смотрели в белый потолок и вдыхали запах стерильных бинтов и лекарств, которым насквозь была пропитана больница.

Наступила ночь. В коридоре погас яркий свет. Было тихо и тревожно.

Запах я уже не ощущала. Привыкла.

И сама не заметила, как уснула.

А глубокой ночью нас кто-то разбудил.

— Просыпайтесь!

Я открыла глаза и сначала не могла понять, где нахожусь. Какой-то коридор. Тусклый свет. Женщина в белом халате.

«Больница», — вспомнила я.

— Что случилось? — мама вскочила с лавочки и испуганно посмотрела на медсестру.

Мы чувствовали ответ, но не хотели верить.

Медсестра опустила глаза и тихо вздохнула.

— Мне очень жаль... Ваш родственник умер.

Прошло несколько месяцев. Наша семья находилась в страшном ударе. Мы не могли прийти в себя, не хотелось верить, что папы больше нет. Это просто в голове не укладывалось — как так может быть?! Но это правда... Его с нами нет...

В первое время постоянно казалось, что сейчас откроется дверь, мы услышим его добрый голос: «Дети, я дома!», помчимся навстречу, повиснем на его шее и поцелуем в колючую щеку. Но этого не случалось... Папа не приходил.

Когда сидели дома и слышали, что к воротам подъезжала чья-то машина, сердце радостно стучало, и казалось, что это папа приехал с работы. Но потом вспоминали: «Папы больше нет», и выходили на улицу встречать приехавших в гости родственников, друзей — это был кто угодно, но только не он...

Если раньше я была обычным тринадцатилетним подростком, то после смерти отца мгновенно повзрослела. На меня легла большая ответственность — нужно помогать маме и с Максимом, и по дому, и, самое главное, поддерживать ее морально. Было страшно больно, хотелось постоянно плакать, но я этого не делала, потому что на меня смотрела мама — и если бы увидела слезы, то расстроилась бы еще больше. Внутри себя, в душе, я рыдала, а внешне пыталась выглядеть стойкой, потому что от моего настроения зависело настроение мамы. Это было тяжело, но я старалась.

Раньше у нее было плечо, на которое можно было опереться, второе крыло, благодаря которому она летела по жизни. Теперь это плечо из-под нее выбили и крыло отрезали.

Фирма, в которой работал папа, выплатила нам компенсацию, так как произошедшее считалось травмой на производстве. Кроме того, социальная защита платит нам пособие по потере кормильца, у которого осталось двое несовершеннолетних детей. Но несмотря на это, мама стала усиленно работать, потому что понимала — на ней теперь большая ответственность — она стала одновременно и матерью и отцом.

Иногда бывало, что мама работала в кафе в две смены и домой приходила далеко за двенадцать, а с утра уходила на работу раньше, чем мы просыпались. И целый день готовила, готовила, готовила посетителям кафе. А когда приходила домой, падала на кровать и отключалась. Проснувшись утром, мы видели на плите свежую горячую еду и записку «Я вас люблю». Вот такие они, мамы — позже всех ложатся и раньше всех встают.

Когда у нее было на работе посвободнее, она уделяла нам много внимания — учила с Максимом уроки, разговаривала со мной о жизни, водила на прогулки. Но все равно ей было тяжело. Поэтому, чтобы хоть как-то помочь, я взяла на себя всю домашнюю работу — стирку, уборку, глажку, и бабушка мне помогала.

Каждый мой день был расписан: как только звенел звонок с уроков, я сразу же выбегала из класса и летела на второй этаж, где учились первоклашки, забирала Максима, по пути домой заходи-

ла в магазин за продуктами, приходила домой, помогала бабушке готовить еду, после делала с Максимом уроки, затем выкраивала время для пациентов в больнице, вечером неслась домой делать *свои* уроки, а там уже и спать пора. Брат купался, после этого ложился в кровать, и я обязательно рассказывала ему сказку, потому что без этого заснуть он не мог (если собрать сказки, придуманные мной за всю его жизнь, я могла бы уже выпустить трехтомник). Со слипающимися глазами рассказав сказку, я возвращалась в комнату, падала на кровать и мгновенно засыпала, слыша в полусне, как ближе к полуночи приходит с работы мама. Иногда просыпалась утром в той же позе, в которой засыпала.

Моя жизнь была насыщенной, но я была очень этому рада, потому что чем больше сделаю для мамы, бабушки и брата, тем легче им будет.

Максим тоже помогал. Хоть ему и было пять лет, он всегда был не по годам смышленным и серьезным мальчиком, а после случившегося стал еще серьезнее. Своим детским умом брат понимал, что он в семье единственный мужчина, и всеми силами старался вести себя по-мужски, соответственно своему возрасту — расставлял на столе тарелки, помогал убирать, что-то подносил и часто повторял, что, когда вырастет, будет нас защищать. Я всегда смотрела на него и улыбалась — сам маленький, но мысли мужские.

В общем, было нелегко, но мы сплотились и вместе переживали все трудности.

Раньше я жила, как живет большинство подростков, — играла с друзьями, учила уроки, а иногда и просто бездельничала. Но после того как в нашей семье произошла беда, у меня словно раскрылись глаза на окружающий мир, и я поняла, *что* в жизни главное. Это любить своих близких и во всем им помогать.

После того как я пришла к осознанию этого факта, то уже не смогла жить, как раньше, и стала ценить каждую минуту. Если раньше бывало, что я целый день сидела за компьютером у себя в комнате, а потом выходила и недовольно удивлялась, почему у нас еще не наготовлено и не постирана моя юбка, то теперь со-